

Леньков Александр

6.08.03.

АЛЕКСАНДР ЛЕНЬКОВ:

Возраста не ощущаю – прыгаю, кувыркаюсь

Культура. – 2003. – 24 июля – 6 абз. – с. 9

Он делает кульбиты, съезжает по перилам, падает с балконов. Он все время в движении. Не человек, а ртуть, несмотря на недавно отпразднованное 60-летие. Он может сыграть всех: от Бабы-яги до судебного следователя. Даже те, кто не помнит, как выглядит Александр ЛЕНЬКОВ, знают характерную интонацию его голоса. Ему дарят цветы, ждут на служебном входе. У него есть поклонники, некоторые не пропускают ни одного спектакля с его участием. И надо же так случиться, что у папы инженера-ракетчика и мамы-физика сын стал артистом, а ведь не очень и хотел, хотя в детстве мастерил головы и рукавички и показывал кукольный театр. В первом классе сыграл в своей мужской школе Снегурочку, а в четвертом – сына уборщицы в спектакле "Студент третьего курса" Театра имени Моссовета, а потом – сына миллионерши в "Краже". Во дворе его иначе как "Сашка-артист" не называли, а он на заработанные деньги купил киноаппарат и снимал друзей, школу, мультфильмы. Вся его продукция выходила под маркой киностудии "Леньфильм", и мечтал он о ВГИКе. Но случайно увидел объявление в газете о наборе в студию Ю. Завадского и поступил.

– Студия готовила артистов для Театра им. Моссовета?

– В основном да. Но я, хоть и был зачислен в штат театра, на короткое время ушел в Пушкинский. У них заболел Леша Локтев, а спектакль "Петровка, 38" был на выпуске. Тогда там были Олег Борисов, Леонид Марков. Потом я сыграл еще в одном спектакле, съездил на гастроли и ушел.

– Борис Ровенских не был в вас заинтересован?

– На репетициях, не желая копировать чужой рисунок, я извел его вопросами: "А почему?" Тем не менее сразу после премьеры он сказал, что даст мне квартиру и зарплату больше, но самое главное, я должен был играть Павку Корчагина и деда Щукаря.

– Так стоило ли возвращаться?

– Стоило. На наших студенческих афишах было написано "Спектакли студии Театра им. Моссовета". Мы были студией и мечтали о своем театре на базе нашего курса. Не сложилось, но кто же тогда знал.

– Вы можете сыграть и короля, и свиту, а главных ролей у вас немного. Неужели не хотелось напроситься на роль?

– Нет. Даже когда я знал, что могу сыграть, мне и в голову не приходило заговорить об этом. Я не очень пони-

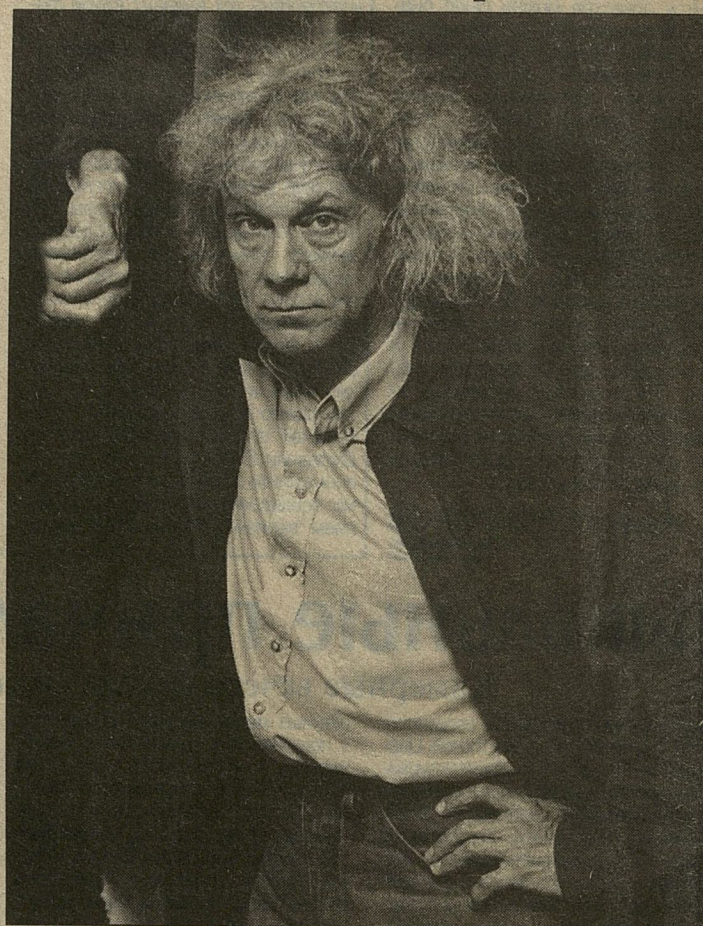
маю, когда артисты обращаются с просьбами к знакомым режиссерам. По-моему, это неправильно.

– Вам приходилось с кого-нибудь лепить образ?

– В нашей большой веселой коммуналке в Петровском переулке жили занимательные люди. Артистка миманса Большого театра, продавщица, нечистая на руку, скромная тетя Тася, ожидавшая мужа с фронта, мужик, который каждый раз, возвращаясь из тюрьмы, вешался в туалете. В отделение милиции напротив дома привозили буйных типов, на стройке работали пленные немцы. Типажи – нарочно не придумаешь, но я лишь однажды в спектакле "Прикосновение" слепил образ с моего дяди. Мне, кажется, подсмотреть можно лишь черточки, остальное нужно придумать.

– И многое для ваших героев придумано вами?

– Конечно. В "Пчелке" режиссер Инна Данкман моего короля Лока видела аккуратненьким гномиком. Я придумал брюшко, крупный нос, лысину. В "Венецианском купце" мой Гоббо ходит с палкой, вроде слепой, но, когда нужно, видит очень даже хорошо. В программке "Двенадцатой ночи" рядом с постановщиком Марком Вайлем я значусь сорежиссером. Я

А. Леньков

не хвастаюсь, просто по-другому не умею работать. Шевелюру не ликвидирую. В одном спектакле вздыбли волосы, в другом зачесу на пробор, а то и вовсе соберу в пучок.

– Почему артисты не любят вводить, но спокойно относятся к очередности?

– При вводе я лишен слов режиссера, которые произносились во время репетиций, когда сочинялась история. Я надеваю чужой костюм без мастера, способного его на меня перешить. Ко вторым исполнителям отношусь спокойно, потому что я сыраю по-своему, и то, что сделаю я, другому артисту не сделать.

Спектакль – это часы, в которых шестеренки, цепляясь друг за друга, идут, не нарушая ход всего механизма. Представьте себе, что какое-то колесико начнет крутиться в другую сторону. Все разладится. Спектакли, в которых есть команда, живут долго, и даже незапланированный ввод какого-нибудь артиста не влияет на их состояние.

– Какая публика самая трудная?

– Учащиеся ПТУ. Я выступал от филармонии с придуманными мной программами. Рассказывал о театре, передевался и тут же все им показывал. В ПТУ особый зритель. Я как в клетку с тиграми к ним входил, знал, они ждут, чтобы начать терзать. Про себя думал: "Ничего у вас не получится. Через десять минут будете сидеть, открыв рот, еще через десять станете шелковые, потому что вам будет интересно".

– Чем объяснить, что в вашем театре в любые времена зал не пустовал?

– Я объясняю это особой атмосферой внутри театра, которая сохранилась со времен Мордвинова, Орловой, Плятта. Зрители это чувствуют. В Пушкинском в ожидании своего выхода артисты забивали "козла" на столе, инкрустированном разными породами дерева, стоящем там со времен Камерного театра. Меня это, мягко говоря, удивляло. У нас играют в шахматы.

– Раньше артист всегда мог подработать на радио, на дубляже. Сейчас это дело совсем неприбыльное?

– Совсем, но я по-прежнему хожу на радио. Если бы мы перестали там работать, жанр радиопередач исчез бы. Когда была неразбериха с деньгами, не платили вообще ничего, а сейчас для канала "Культура" за три ночи я записал пятьдесят серий мультфильма, один за всех героев говорил, за смешные деньги, но отказаться – это значит подвести людей, а я так не могу.

– Многие артисты поправляют материальное положение антрепризными спектаклями.

– Я всегда отказывался, когда узнавал, что спектакль будет связан с большим количеством поездок. Я не могу злоупотреблять хорошим отно-

шением в театре. В спектакле "Борис Годунов" в постановке английского режиссера Деклана Доннеллана я участвовал с разрешения дирекции театра. Мне пошли навстречу. Отпустили на гастроли, а они были по всей Европе. Однако я бы этот спектакль не называл антрепризой. Это серьезная работа с участием большого количества актеров. У меня там было несколько ролей. Я пел псалмы. Особых вокальных данных у меня нет, хотя я и в фильмах, и в спектаклях пою, но для этой постановки я специально занимался в церкви.

– Вы хотели поступать во ВГИК, теперь вы там преподаете.

– Ребят набирал Анатолий Ромашин. Когда его не стало, возглавить курс предложили Виталию Соломину, а он пригласил меня. Никакой я не педагог, но Соломин делал упор на то, что мы с ним практикующие артисты. Я так со студентами и занимаюсь.

– Если раскусите, что таланта нет, прогоните?

– Это – самое трудное. Я ведь даже не предполагал, что столкнусь с этим. Я наивно думал, что буду только репетировать, показывать то, что умею сам, а тут нужно оценки выставлять, кому-то говорить, что он несостоятелен. Это ужасно. Я этого не умею. Я работаю до последнего, надеюсь, что, может быть, он как-то раскроется. Однако с некоторыми все же пришлось расстаться. Хорошо, что они на меня не в обиде, даже звонят время от времени.

– Есть такое понятие "мхатовские старики". Вы себя "моссоветским старичком" не ощущаете?

– Нет. Скорее, старичком из фильма "Сказка о потерянном времени". Возраста не ощущаю. Прыгаю, кувыркаюсь. Для своего восьмилетнего внука – старший товарищ.

– Около сорока лет вы на сцене и в кино. Актерская мечта есть?

– Нет. Не сложилось, ну и ладно. Все, что не сыграл, а хотел бы, я проиграл наедине с собой. Мне этого достаточно.

Беседу вел
Татьяна ПЕТРЕНКО
Фото Михаила ГУТЕРМАНА